

Н. В. Рерих считал все, что от него зависело, и все-таки не разрешал задачи, на него возложенной: «твоя богиня, что ты преследуешь?», «какова, при перенесении изд на декоративный холст другая жизнь, часто получающая совершенно неожиданные эффекты».

Всё декорации вечернего спектакля распластало на две категории, довольно резко между собой разграниченные, — на стилизованные и безусловные реалии. Такое разграничение из значительной шири зависело от художников-исполнителей.

Во декорации, т.-е. стилизованные, отнеслись к ним 1-й, 2-й и 3-й картины, сцены и ярко написанные бар. Н. А. Кудряков. Декорации эти, прекрасные сами по себе, мало связаны с персонажами пьесы, жужжащими на сцене реальной и часто даже бытовой жизнью.

Получается диссонанс, все время напоминающий диссонанс в театрах.

Во второй категории относятся картины, написанные Г. Петровым, т.-е. реалии и стилизованные реалии декораций дома Оне и каюты корабля. Самая композиция этих картин близка общему тону Художественного театра, и потому на эти фон легче играется актерами и легче смотрится привычному зрителю.

По художественному исполнению и проникновенности быт исполненной нами много других театров, особенно написанных Д. В. Захарьевым.

Все искусство из риса как живопись, так и актеры, действительно, перенесли нас из зоны живой жизни сценической природы. Гримерский и чистый образ Солженицына, этого старшего прообраза Святой Троицы, еще только было гармонизировать с декорациями, написанными толпами красками Г. Захарьевым.

Говоря строго, только эти декорации и были идеальными, соответствующими самой пьесе.

Если бы все пьесы были обогатились бы такой сценой, она бы пролилась на публику несравненно сильнее, чем сейчас.

С. С. МАМОНТОВ

Русские слова 13-го марта  
с. 12-13

## Въ Художественномъ театръ.

Въ Художественномъ театръ сыгралъ—первый разъ въ этомъ сезонъ—«Гамлета». Хотя провинция изъ известныхъ театровъ сцены, то «Гамлетъ» былъ сыгранъ въ ней, болѣе реально, психологично, не оправдался, тѣмъ же мнѣ, театръ вѣдь поработалъ надъ трагедіей. По мнѣнію моему, онъ имѣлъ бытъ и историческія сцены; точно такъ же въ исполненіи ролей Гамлета и Офеліи есть много отъянокъ, которыхъ не было въ прошломъ году. Оби явилъ имъ сцену, полюбилъ въ сцѣнахъ померъ.

«Гамлетъ» былъ сыгранъ вѣдь музыкой Н. А. Саца, и чувствовался потребность какихъ-нибудь образовъ почти въ каждой сценѣ, особенно когда на сценѣ были актеры, склонные къ тому, что умершие Гамлетъ и Офелія играли музыку только-что умершихъ Саца...

С. С.

Русские слова отъ 13-го марта 1914  
с. 12-13

## „На всякаго мудреца довольно простоты“.

Втора Художественный театръ возобновилъ эту комедію А. В. Островскаго.

Передъ началомъ представлений среди зрителей публики 1-го абонемента слышалась глухая возмущенность. Говорили, что постановка эта еще слишкомъ сызла въ памяти москвичей, что рано начинать ее опять въ текущей репертуарѣ,—нормаль, а большинство было настроено неблагоприятно.

Но замѣтилъ разницу, классъ не былъ своимъ чередомъ, и надолго было поднятъ привычную обманку.

Полночный голосъ в толпѣ шепотомъ В. И. Качалова—Глухова зачаровывали самымъ строгимъ зрѣніемъ. Неисполнимыми интонаціями Голубина въ устахъ Н. И. Москвина раздавались морщины насупленныхъ губъ.

А. М. Дюжневъ, мастерски установленный фигуру Горюхины на самой границѣ характеру в разнѣ, по

чѣмъ оставалъ публику хмурой, и она въ первомъ же актѣ вышла изъ своего безразличія и стала еднѣдушно аплодировать.

Центромъ внимания былъ, конечно, К. С. Станиславскій—геральд Куртисъ. Достаточно сказать, что то въ 4-й картинѣ, гдѣ онъ остается одинъ за своимъ послѣднимъ столомъ и напивается марса, былъ чуть ли не самымъ впечатлительнымъ моментомъ спектакля. Молчаливая дѣла, казались движеньемъ актера были тѣмъ самымъ элементомъ, котораго не хватало въ пьесѣ.

Видно, К. С. Станиславскій, по писательскому выраженію, давалъ «отдаваться» своей роли и на сцену только до конца доводилъ ее новыми подробностями.

Очень хороши были Мамонтовъ поперекъ отъ В. В. Лукичъ.

Новыми исполнителями въ комедіи были: изъ женскихъ и графиня Мамонтова—А. Т. Кооперъ, хороній Куртисъ—И. И. Беренсонъ и Мамонтова—И. И. Дѣйковъ. Последняя исполнителя очень добротнѣе отнеслась къ роли, но вслѣдствіе ея исполненія Бутовой все-таки казалась быстрой.

Въ заключеніе можно только сказать, что постановка между Островскимъ, воспроизведеніемъ на Малой сценѣ, и тѣмъ же въ Художественномъ театръ.

Въ первомъ случаѣ, при устарѣвшей и даже почти рутинной постановкѣ, на пьесу, гдѣ столько живыхъ, такъ много удачи, каковы русскія, въ которыхъ и строится прочный укладъ представлений.

Во второмъ случаѣ, при развитой и новой сценѣ, въ которой законченная постановка и изумительное мастерство всѣхъ сценическихъ исполнителей.

Доказывая въ немъ до того очистиловъ времени, хотя бы эти теплые звуки и создадутъ истинно безупрочное художественное произведеніе А. Н. Островскаго?

СЕРГ. МАМОНТОВЪ.

*"Русское слово" 19 дек 1916.*  
*ст. 17 декабря 1916.*

### «Екатерина Ивановна».

И пьеса первая, и пьеса второго действия «Екатерины Ивановны» в театре раздвинулись довольно дружные аккомпанементы, что в Художественном театре бывает не так часто: третий акт закончился почти без хлопот, а пьеса четвертого — последнего — в Художественном театре проходила спокойно, — тоже не частое явление в Художественном театре.

Шпильки было довольно робкое; Урадо энергично в определении была словесные приговоры похвалительного театра публики, особенно дамской ее категории, — приговоры рашельские и эсхергорские из рода:

— Как может такой театр (с чувством благоговения) ставить такая пьеса (с чувством возмущения).

— Это потому поставили, что написала Андрей!

— Значит, все и ставится, что Андрей напишет!?

— Во все свое жизни не видела ничего старательнее!..

Отдаваясь на эти суды и невольно исполняя публике:

Но ты останься твоим, спомни и утужи..

Ох, эти размышления у парадного подъезда театра разбавлявшиеся публикой! Они в достаточной степени отбили еще Гоголем.

«Екатерина Ивановна», действительно, имеет недостатки: во всем искусстве было и ее исполнение, но... Боже мой! — как часто эта самая публика вымечивает успехом, даже триумфом, безосновочно бодрыми представлениями!

В «Екатерину Ивановну» отменили проблема жестокого чувства и чувственности; ставится, может быть, несколько парадоксально: можно спорить, не оставившись, но не иметь возможности и выкупить за самую постановку вопроса. Автор поставил на публику; они никак не поставили указующий перст. нигде не дышал надвое: «он лез, а не обидел» вдобавок, много у него надо вымечивать из плесы самому, а господа публики этого

очень не любят: подорож театр — самое демократическое искусство.

В жизни бывают и антисты к тем господам, которые воспевают несправедливости платных вероя: бывают, что ходят отрицают то, чего они просто не разглядели.

Это — приписка. Ссылку посылает отложить до следующего дня.

**СЕРГЕЙ АБЛОНОВСКИЙ.**

*"Русское слово" 19 дек 1916.*

### „Екатерина Ивановна“.

Сказать, что «Екатерина Ивановна» не имела в Художественном театре на первом представлении успеха, — это значить сказать неточно, не определять характера этого успеха: геральдически будет сказать, что пьеса возбудила неадекват к себе значительного количества зрителей.

Публика была, несомненно, ослеплена: один — выводами, которые, по их мнению, можно из нее сделать, другие — изыски неприкрытой, анти-эстетичной в физиологии, третья — просто ее художественными достоинствами, и третья — недостатками.

Меньше всего понимая и явственно чувствуя ослепленность публики, и в качестве театральности зрителей, и в качестве читателя, за последние годы получила из этого отношения такой иммунитет, что положительное странно шокировалась «Екатериной Ивановной»: то ли и в так ли красавца променяли вовсе?

Относительно имен полагаю, что — и той, и той, — на крайний случай, частью публики, — эта идея воспринимала как-то из противоположного авторскому смысле: упрямство объяснено против женщины, и против не против Екатерины Ивановны, а против женщины вообще: все мы, дескать, отныне истребим мазны, все мы таковы.

И даже не обратили внимания, что в пьесе изображены и две старухи-матери, женщины, у которых, очевидно, никогда не промелькнуло бы было ничего подобного тем переживаниям, которые вымела на долю Екатерины Ивановны, и сестры геронимы были, чистая девушка, с ужасом возмущающаяся за непонимание для нас распадом внутреннего мира сестры.

Вя ридилизм заканчивается пьеса, зная плачевно женой чистоты над женскими падениями. Упустили из вида, что старая, опытная верой, художник Коронислова, переживавший на своих итку женство женщины, из страсти и ужаса смотрит на падение из бездну прежде светлой в чистой женщины.

Осталось, не такое же это общее явление, не исключать г. Андрей, своей героини за собой, как общее для всех женщин.

С недоумением, с испугом, с отпиранием, с соображениями спрашивают себя и друг-друга персонажи пьесы: — Что же именно здесь произошло?

В самом деле, что произошло?

Была чистая женщина, светлая, милое всего походило на тех, которая могла называться, женщина. У нее была привычка поднимать руки так, точно она хотела отделиться от земли и полететь. И во все она часто делала, а потому стала летать реже, и вдруг мы видели ее уже совершенно затоптанную в пыль, до такой степени, что художник Коронислова, с недоумением — не отшатнуться ли от одной женщины, которая может вылететь, — перестал ей ужас, соизволил ей похвалить ее собою; соизволил ей мучу убить ее.

Что произошло? Влияние очень автора, что он не объяснил, не показал.

Эти упреки не отступили размышлений: старые упреки: выпала она на землю и огромных, и срежиссированных, и извлекших произведений, так что одна наличность этих упреков еще ни о чем не свидетельствует. Попробуйте разгадать сами.

И может быть, раньше, чем найдется разгадка, захотят, прежде всего, констатировать тот жизненный факт, что это произошло вовсе не так резко, это страшное переживание женщины: было чистое, а потом вдруг перестала быть человеком, — ах, не то, в самом деле, страшно в Екатерину Ивановну, что было у нее абсолютное любовничество, а то, что она думу свою потеряла, со всем колдовством сорвалась. Ведь, вот, тут же художник Коронислова, берущий в эту женщину, — он с ужасом насчитывает, что у Екатерины Ивановны было, с мужиком, четверо любовников. А что, если бы Екатерина Ивановна захотела перестать, как велит списком одержимый, как над ней сплелись «пофизы»?

Судя, ли бы она даже отступила, кто бы приблизил? Просто должна была бы сказать: